

Глава 1, из которой следует, что абсент и кокаин — это несомненное зло, а дурной пример заразителен.

— Э-э-э-эээээээээээрн!!!

— Ась? Эрн? А кто это?

— Кто не понял, тот поймёт)))

Было уже ближе к утру. Но дом всё ещё ходил на ушах. Впрочем, гости только-только приехали из ресторана, организованной толпой на автобусе, так что удивляться было нечему. Опять же несомненно веселье понемногу затихало. Многочисленные родственники, а их семья была очень дружной вплоть до третьего колена, те кого Свиридовы зазвали ночевать в их доме, потихоньку окончательно доходили до нужной кондиции и направляемые хозяйкой дома, разбредались спать по своим комнатам. Благо, дом был большим и хоть и в тесное, но места хватало всем.

Правда, самые стойкие всё ещё продолжали упорно праздновать свадьбу и во дворе дома. Но всё же, чем ближе подступало утро, тем всё более явственно затихало семейное празднество.

Лариса, уже из бани, красная и распаренная, как рак, в пушистом халате под бдительным конвоем сестры была сопровождена в дом.

— Ох, не ожидала я от тебя... , — всё ещё ворчала Ольга, — ну, вот дам я ещё в тык твоему мужу. Чтобы больше никуда не отпускал тебя одну!

Она фыркнула:

— Вот тебе и библиотекарша... Надо же, абсент и кокаин...

Лариса лишь пьяно и глупо улыбалась, периодически хватаясь за руку сестры, чтобы идти ровно. Нет, нет, но иногда она удивлённо косилась на сестру. Ведь всё-таки та была не менее пьяна... Хм... Но при всём при этом, старшая сестра как-то умудрялась оставаться в трезвом здравии.

— А Гека я утром, точно, выпорю... От души выпорю... , — в сердцах подытожила Ольга.

— Не надо... , — Лариса надула губы и повисла на шее у сестры, — не надо...

Малыши сидели в беседке, лениво с неким удивлением разглядывая толпу взрослых, многие из которых уже едва держались на ногах.

Малыши... Малыши уже давно не были малышами. Крепкие плечистые парни, Егор и Матвей, почти полная фотокопия друг на друга, едва ли не до последней веснушки на открытых добрых лицах, едва ли не каждым завитком огненно-рыжих кучерявых волос.

— Так?! А вы двое чего тут? — покосилась на них Ольга, — а ну-ка, бегом в дом. Спать уже пора. Где Ваш несносный старший братец?

Близнецы только пожали плечами. Но послушно побрели к дому на зов матери, с любопытством поглядывая на Ларису, которую их мать уже чуть ли не вела под руки.

Лариса вздохнула. Бурная безумная дикая ночь. Нет, она решительно была не в состоянии сегодня соображать. Мысли путались и никак не желали выстраиваться во что-то, осмысленное и единое.

Но всё же кое-что она понимала. Если бы не сестра, то Гектор непременно бы уже трахнул её в бане. Собственно, для этого он её туда и потащил. Самое удивительное, что она это совершенно отчётливо понимала и её это совершенно не ужаснуло. Да уж... За эту ночь их

отношения стремительно... хм... прогрессировали...

Ох... Ох... Ох... Утром им с Гектором придётся слишком многое обсудить.

Правда, почему-то, вопреки всякому здравому смыслу эта мысль её только позабавила, и она даже захихикала, заслужив ещё один подозрительный взор сестры.

А ведь про кокаин это Гек проболтался Ольге. Про абсент она, конечно, сама проболталась. Но про кокаин это всё Гектор.

Ольга тогда и так всё ещё пребывала в шоке, после того, как застучала её... хм... с Танюшей. С той самой от которой Ольга весь вечер была без ума. Милой добродушной Танечкой с ясными лучистыми глазами, и чистой улыбкой, при которой на её ещё по-детски пухленьких щёчках играли обворожительные ямочки. Вряд ли Ольга когда-нибудь поверит, что внутри этой девицы сидит сушая дьяволица.

С другой стороны... Если бы Ольга зашла бы немного пораньше. Хм... То застучала бы свою младшую сестрёнку не только в объятиях Танюши. И тогда возможно, Гек отделался бы не только поркой хворостиной, с которой вокруг стола гонялась за ним Ольга.

А тут, сейчас, Гек дефилирует через весь двор, возложив не шибко-то упирающуюся Ларису себе на плечо, в сторону бани. Лариса при том при всём в хлам... И, пожалуй, всё её сопротивление укладывалось в болтание ногами в воздухе и тихое повизгивание.

Вообще, странно, что никому из родни, а народу во дворе было много, — тогда ещё всеобщее веселье и не думало утихать, — это не показалось странным, кроме Ольги. Правда, пьяны-то все были под завязку.

— Ты куда это её? — Ольга оторопело уставилась на них.

— В баню., — лавируя со своей ношей между людьми, ответил Гектор, как ни в чём ни бывало, как будто это не его гоняла тётка Оля хворостиной вдоль бани всего час назад за его отвратно-развратно-непотребно-ужасное-поведение, — а что, ведь поздно уже. Надо наше семейное достояние хорошенько перед сном отыме... тьфу, ты, оговорился... отмыть, вот...

Он похлопал возложенную на его плече женщину в вечернем платье по попе. Лариса подняла голову и шутливо отсалютовала старшей сестре, провожающей их глазами с самым подозрительным видом.

— Да что с ней сегодня такое?, — всё-таки догнал их уже у самой бани возглас тёти Оли.

Гектор вскинул очи к небу:

— Эта адская смесь, — абсент и кокаин... , — он хохотнул и похлопал снова мать по попе, — но, по-моему, ей нравится...

В бане она хоть и вяло, больше для приличия, отбивалась, но Гектор довольно быстро и сноровисто освободил её от платья, трусиков на ней уже давно не было. Собственно говоря, после всего того, что сегодня уже имело место быть, строго говоря, было бы уже просто смешно строить из себя моралистку-недотрогу.

Да и сказать по правде, сегодня она была полностью во власти Гектора. И как это не звучало дико, это одновременно и пугало её и возбуждало. Чего уж там самой себе-то врать? Она просто боялась ему сопротивляться. Это понимала она. Это понимал и Гектор. А посему он был настойчив и не колебался ни на миг.

Он даже не дал ей собраться с мыслями. Едва она осталась без одежды, в одних только туфлях на шпильке, как он прижал её к себе и буквально впился властным, но нежным поцелуем. Лариса не отвечала, но и не сопротивлялась.

Она почувствовала, как вновь набухают её соски под влиянием новой волны возбуждения.

Это тоже было дивным. Но сегодня она заводилась с полуоборота. Так, что, насилием это никак нельзя было назвать.

Гек оторвался от ее губ и нетерпеливо припал ртом к её груди, прижав её спиной к стене. Он перебирал губами ее соски, слегка дотрагиваясь до них зубами, словно желая попробовать их на вкус.

Лариса никак не реагировала на его ласки, принимая их уже, как должное. Пожалуй, только с некоторым удивлением прислушиваясь к собственным ощущениям, краем сознания опять дивясь, что таки да, видимо, ей нравится всё, что с ней вытворяет её новый обладатель.

Его язык опускался все ниже и ниже, пока не достиг влагилица, и, проникая в святая святых каждой женщины, он словно остановился на мгновение в нерешительности, потом двинулся вперед, осторожно ощупывая все вокруг с тем, чтобы чуть позже, уже полностью освоившись, впиться зубами в клитор Ларисы, заставив ее вскрикнуть то ли от боли, то ли от переполняющего ее тело наслаждения. Теперь никто из них не знал, где кончается одно тело и начинается другое, пот, слезы — все стало общим и неразделимым...

Лариса, прижимая мужскую голову к своим бёдрам обеими руками, была уже почти на самом пике, когда бдительная старшая сестра ворвалась в баню и едва ли не силком оттащила Гека от неё.

Правда, в этот раз Гектор и не думал отступать и поначалу чуть ли не в голос взревел, требуя, чтобы тётка убиралась вон и не мешала им с Ларисой. Мол, и без неё сами разберутся, дело-то семейное.

В какой-то момент это выглядело даже комично, — Гектор тащит голую Ларису за руку к себе, а Ольга за другую руку тянет на себя. Глаза тётки и племянника встретились в гневной дуэли. И долго ни один из них не хотел другому уступить. Мнением Ларисы на происходящее никто не поинтересовался. В конце концов, Гектор, осознав всю абсурдность ситуации уступил. Правда, и Оля в этот раз сбавила обороты, не пытаясь обрушить на Гека всю силу своего гнева, но просто удовольствовавшись тем, что он в сердцах ругаясь на чём свет стоит, выбежал вон из бани.

Но зато Лариса после ТАКОЕ выслушала от сестры... Конечно, теперь никак невозможно было свалить на то, что она просто несчастная беспомощная жертва насилия. Приходилось молча и терпеливо выслушивать ругань сестры.

Впрочем, зная норы сестры, Лариса даже и не пыталась спорить, лишь горестно вздыхая и обращая на неё жалобные взоры, чтобы уже та не шибко расходилась.

Оставив её на кухне, Ольга пошла искать Машу Свиридову, их двоюродную сестру, и хозяйку этого дома.

— Сделай нам чая, сестричка., — велела она сестре, перед тем как уйти из кухни — а я пока пойду перенесу твою постель к нам в комнату. Нет, сегодня, ни за какие коврижки я не оставлю тебя спать в одной комнате с Гектором...

Вообще, гостей был полон дом. Многие приехали на свадьбу старшего сына Свиридовых за три девять земель. Как и сами Лариса и Оля. И у многих лишних денег на гостиницу, честно говоря, не водилось. Да и не принято как-то было в их семье выгонять родню в гостиницу. Благо, что дом был большой и как говорится, — в тесноте, да не в обиде, — пускай и по пять человек в комнате, но худо-бедно, разместились все.

Напоследок Оля смерила сестру тяжёлым взглядом:

— Я ещё не поняла точно, то ли это твой сын такой сексуальный маньяк, то ли это ты у меня,

сестрёнка, такая шлюха, — но спать Вы оба будете сегодня вместе со мной в одной комнате.

Едва она вышла из кухни, как Гектор был тут как тут.

— Мама! — дрожа от возбуждения, он приник к ней сзади, обнимая её руками, — ох, уж эта тётя Оля... Неймётся ей всё... Какое вообще её дело?

— Дверь! Кто-нибудь может войти, — всё-таки остатки разума были с ней. И угроза быть застигнутой в объятиях сына кем-то из родни всё же подействовала на неё отрезвляюще.

— Гектор, прекрати! — горячо прошептала Лариса, — Олька нас точно убьёт! А вдруг она отцу всё расскажет...

Гек усмехнулся:

— Ты же знаешь её. Она никогда тебя не предаст. К тому же по сравнению с тем, что ЗНАЮ я...

— Ты грязный паршивый шантажист! — почему-то без злости сказала она. Знал бы сын, что все его угрозы это пустое. И что её телефон, предусмотрительно поставленный на беззвучный режим, уже буквально разрывается от звонков и гневных смс его отчима.

Она вздохнула. Видимо, Троцкий сдержал обещание. Она представила себе всю эту троицу, — Кирилла, Сергея и Романа, — которые гогочут, рассматривая фотки на телефоне, и скидывая самые скабрёзные из них её мужу.

Гектор уже стоял у нее за спиной, крепко обхватив за тонкую талию, тесно прижавшись пахом к ее мягкой заднице. Настолько тесно, что она не могла не чувствовать твердый член, уткнувшийся ей в прорезь между ягодицами.

Если бы не страх быть снова застигнутой врасплох, быть может она бы и не сопротивлялась. Но эта была чересчур далеко зашедшая игра, которой следовало положить конец.

— Гектор... Перестань! — еще больше разгорячившись, негромко повторила она снова.

Он даже не удостоил её ответом, вместо этого лишь крепче прижимая её к себе. Вдобавок ко всему она почувствовала, как его губы целуют её затылок, потом шею и вот уже ласково покусывают мочку её уха. И снова по ее телу пробежала предательская томная дрожь.

Это напугало её ещё больше. Если пойдёт так и дальше, то через пару минут, она снова поплывёт в сладкой истоме, как уже было с ней сегодня не раз и не два, и запросто позволит Геку трахнуть себя прямо на кухонном столе.

Её тело против её же воли уже не первый раз сегодня предавало свою хозяйку. Она ощущала себя куклой, которой управляли, дёргая за нужные ниточки.

— Да, отпусти же меня! — повторила нарочито строгим голосом. Когда-то подобный тон действовал на него сногшибательно, мгновенно приводя в чувство. Но, видимо, не сегодня.

— Да, что за день сегодня такой? — только и оставалось ей всплеснуть руками.

Пусть сегодня желание сына овладеть ей приняло характер стремительного блицкрига, но всё же потаённые желания Гека по отношению к ней никогда не были для неё секретом. Быть может, именно поэтому, сегодняшние попытки сына стать изменить свой статус в их отношениях и, наконец, стать её любовником и не ужасали её так, как должны были бы.

Она почувствовала это давно. Женщины вообще всегда чувствуют, когда их хотят. И последние несколько месяцев она чувствовала, что будоражит внимание сына. Будоражит собой. Волнует его как женщина. Она ловила на себе его заинтересованные взгляды. Что-то неуловимо изменилось в их ежедневных объятиях. Он старался прижаться к ней покрепче, а для поцелуя вместо щеки теперь подставлял всё чаще губы. Нет, нет, но словно, вскользь, его ладонь могла пройтись по её ноге или заднице, а иногда даже коснуться её груди. Вид матери

дома в одни трусиках и лифчике или в коротеньком халатике неизбежно вызывал у него эрекцию. Он смущался, краснел. И это при его-то нахрапистом, напористом, сильном волевом характере. Нельзя же Гека ещё в школе прозвали Ледоколом.

Как это ни странно, но тайные желания сына к себе, становившиеся всё более явственными, лишь забавляли Ларису, совсем не пугали и ни капельки не расстраивали. Иногда она и сама ради любопытства игриво заигрывала с ним, балансируя на самой грани.

Но когда чувствовала, что он начинает переходить черты дозволенного к ней, — например, один раз, он обнял её сзади, когда она мыла посуду, и Лариса почувствовала его напряжённый член, — без особых трудностей ставила зарвавшегося отпрыска на место.

Обычно, стоило наигранно наивно и прямо завести с Геком разговор, что, мол, ей кажется, что на него неправильно действуют её поцелуи и объятия. Или ей это только кажется? И обычно, неизменно, как бы не был прямолинеен её сын, он всё же тушевался, бурчал в ответ что-то нечленораздельное и на пару недель становился настоящим паинькой.

В принципе, конечно же, она сознавала, что если ничего кардинальным образом не поменять, то рано или поздно придёт момент, когда Гектор не пожелает отступить и снова становится послушным паинькой, а наоборот, устремится на штурм желанной крепости. Но никак не ожидала, что этот день придёт так скоро, а главное неожиданно.

И как понимала Лариса теперь, кое в чём она крупно ошибалась. Видимо больше всего Гектор опасался отнюдь не её гнева, но элементарно отчима. То бишь, что, если он перегнёт палку, а мать возьмёт и пожалуется своему мужу. И, получается, что на самом деле, только это и сдерживало порывы Гектора.

А сегодня она считай сама отдала себя в руки сыну. И уж теперь-то он был абсолютно уверен, что мать наверняка не посмеет НИКОМУ пожаловаться, чтобы он не сотворил с ней. И это мгновенно сделало её беспомощной игрушкой в его руках.

Впрочем, самое странное тут было даже в другом. Совершенно неожиданно для себя она не чувствовала в себе неприязни к его притязаниям на её тело. Но быть может, всё дело в том, что краем сознания, она всегда знала или чувствовала, что рано или поздно она будет принадлежать сыну. Ведь Гектор всегда добивался того, что хотел.

Лариса вцепилась своими маленькими мягкими ручками в его ладони. Тщетно. Гектор уже давно был выше её на целую голову, едва ли не вдвое шире в плечах и видимо, во столько же раз сильнее. Его член настойчиво и беззастенчиво тёрся о её попу. Она чувствовала, как его сотрясает дрожь желания.

— Только один поцелуй, и я тебя освобожу, — прошептал он и снова ухватил её мочку губами. Оставалось только озабоченно вздохнуть. Всё-равно она была слишком пьяна и слаба, чтобы дать ему серьёзный отпор. А после всего, что случилось сегодня, сын ждёт от неё поцелуев и ласк, как само собой разумеющееся. Словно, он уже имеет на неё право.

Сын развернул ее спиной к холодильнику и, обхватив за ягодицы, приподнял так, что она едва стояла на цыпочках. Она закрыла глаза. Он впился ей в губы. Она не отвечала на поцелуй, но и не сопротивлялась, оставаясь внешне отрешенной. Гектор был как две капли похож на своего родного отца, первого мужчину, лишившего ее невинности, который в то время был как раз в этом юном возрасте с ненасытной потребностью в сексуальном удовлетворении. — Ночью я приду к тебе, мама... , — прошептала он, отслоняясь.

Улыбка тронула её губы. Вряд ли он догадывается, что её бдительная старшая сестра уже предусмотрительно упредила этот вариант.

Внезапно, она почувствовала самую искреннюю тёплую благодарность к сестре. На какой-то миг она наконец осознала, что стоит на самом краю бездонной пропасти. И она слишком пьяна, чтобы удержаться на крутом обрыве и не сорваться в эту бездну. Хм... Абсент и кокаин...

Но утром хмель и магическое воздействие волшебного белого порошка отступят, и она сможет собраться с мыслями. Им с Гектором предстоит серьёзный разговор, возможно помощь хорошего психотерапевта...

Когда Ольга вернулась на кухню, Лариса задумчиво стояла у холодильника, скрестив руки на груди. всё равно не спасёт её от неизбежного. Ладонь сына отпускает её руку и решительно задирает выше подол её ночнушки, потом эта рука тянется к коленям, внимательно ощупывая её ноги. Потом добирается до кромки бедра.

От прикосновения к голой коже Лариса вздрогнула, словно пытаясь прогнать оцепенение, сбросить с себя эти чары. Но осознав, что Гек наверняка не отступит, если уж начал, она лишь неловким движением прикрыла, как бы защищаясь свободной рукой низ живота. Проще всего — она понимала это — было бы крепко сжать ноги, но этот жест показался ей глупым, она так же ясно понимала, что ее слабых сил не хватит на то, чтобы сопротивляться сильным мужским рукам. А вот громкая возня почти наверняка разбудит сестру.

До Гектора дошло довольно быстро, что Лариса не собирается оказывать отпор. И уже без малейших колебаний он запустил руку под её ночнушку.

Он гладил ее крепкий живот, как гладят по холке разгоряченную лошадь, и постепенно спускался все ниже и ниже. Рука пытается теперь раздвинуть её бедра. Её ночнушка, собранная на бёдрах мешает этому, но все же бедра раздвигаются. Лариса не успела и охнуть, а ладонь Гека стремглав устремилась в её трусики. И вот уже её горячая, вздрагивающая влажная расщелина во власти его руки. Ладонь ласкает ее будто бы успокаивая, ласкает не торопясь, поглаживает лепестки губ, чуть-чуть раздвигает их и так же медленно приближается к бутону плоти. А её киска уже ждет, напряжённая и изнывающая. Гектор будто неторопливо изучает, исследует её, тщательно ощупывая любопытными пальцами каждый миллиметр её плоти. Это мучительная сладкая пытка.

В какой-то миг её пронзает дикая мысль. Вот откуда эта её ненасытность. Нет, это не просто неуёмная похоть. Её тело жаждет именно его, её сына. Сейчас, и это словно озарение, она ясно осознаёт это. Неизбежное неизбежно. Это должно было случиться рано или поздно. Быть может, ей самой достаточно долго удавалось обманывать саму себя. Но ведь в конце концов, не просто же так, она месяцами позволяла и сыну и себе флиртовать друг с другом, балансируя на самой грани, — хотя имела тысячу возможностей положить этому конец раз и навсегда? Разум мог обманывать сам себя ещё хоть сто лет, но её тело... Её тело хотело принадлежать тому, кому оно когда-то подарило жизнь.

Кусая губы, чтобы сдержать стоны, подступающие к горлу, Лариска выгибает спину. Её немного удивляет явный опыт сына в подобных ласках. Но быть может всё дело в том, что просто это она возбуждена сверх всякой меры?

Она задыхается от ожидания сладких спазмов. Скорее, скорее! Но Гектор никак не хочет торопиться. Или же попросту не понимает, что женщина в его объятиях уже на самой грани. А Лариса вертит головой во все стороны, стонет, с губ ее срываются чуть ли не слова мольбы. Как же быстро она сдалась... Ей и самой в это не верится. Но сейчас она просто не хочет, не может об этом думать.

Впрочем, иногда, инстинкт самосохранения немного отрезвляет её в тумане греховного наслаждения, и она нет, нет, но бросает взгляды на сестру. Казалось, всё хорошо, Ольга мирно спала, на самом краешке дивана на боку, сонно посапывающих за её спиной Малышей за ней Ларисе не было видно.

Тут к самому настоящему огорчению Ларисы рука внезапно покидает её, когда она уже вот-вот была готова кончить, жаждущую перевозбуждённую сочившуюся киску, выныривает её из трусиков и забравшись под ночнушку, ложится на грудь. Это было настолько обидно, что Лариса с трудом сдержала порыв, — лягнуть своего отпрыска ногой, — экий бесчувственный эгоист.

Ладонь долго пытается полностью вместить в себе полный третий размер упругой сочной плоти, но эти попытки тщетны. Зато её соски незамедлительно отреагировали на ласку — затвердели, а грудь Лары налилась приятной тяжестью.

Лариса снова начала постанывать, ловя ртом кончик подушки. Сын целовал ей плечи и затылок, а его рука настойчиво и уверенно мучили её груди, — то одну, то другую — поочерёдно сжимая каждую, то нежно оглаживая, перебирая твёрдые набухшие соски между пальцами...

Её ночная рубашка уже нестерпимо мешала им обоим. У сына долго не получалось стащить её. Так что Лариса сама пришла ему на помощь, подняв руки, извиваясь подобно змее всем телом, выскользнула из ночной рубашки, предвкушая, как красиво возникнут в полумраке её груди. И точно так же, послушно приподняла бедра, когда сын стягивал с неё трусики.

И только теперь, раздев ее полностью, Гектор привлек мать к себе, и начались настоящие ласки. Повсюду. От макушки до пяток. Ничего не пропуская. Гек даже, чтобы ему было удобнее, просунул одну руку под ней и теперь ласкал её тело двумя руками.

Лариса уже окончательно потеряла голову. Впрочем, на пьяную голову Лариса вообще старалась думать поменьше, иначе зачем же напиваться? Она уже дошла до необходимой степени желания, и постоянно ощущала крепкий член сына, требовательно упирающийся ей в ягодицы. Ей уже без всяких сомнений хотелось поскорее слиться со своим отпрыском воедино, наконец стать его женщиной. Как же она могла так жестко дразнить и терзать его всем эти месяцы?

Гремучий коктейль из желания и совершенно неуместными сейчас угрызениями совести перед своим мальчиком, что она так долго мучила его своей неуступчивостью, настолько накрывали её с головой, что в какой-то момент у нее даже закололо сердце, и комок, подкативший к горлу, начал душить ее. Это было непостижимо. Она испугалась так, что чуть было не вскрикнула, не позвала на помощь, но Гектор благоразумно накрыл её рот ладонью. Нет, нет! Он должен взять её! Он должен дать ей возможность искупить свой грех перед ним! Он должен сделать её своей женщиной!

Она стонет сквозь его ладонь. Но казалось он всё понял...

Его вторая рука прошла по борозде, разделяющей ее ягодицы, и его палец скользнул между её ног, расширяя узкую, трепещущую расселину, вонзился вглубь. Острая сладкая боль пронзила всё её тело от пяток до макушки. Её так и выгнуло дугой. Не помня себя, она откинула голову назад, подставляя свои губы для поцелуя.

Губы сына впились в ее губы, они пылко и шумно целовались, Лариса засосал его язык глубоко в свой рот и жадно сосала его, сосала, сосала, чувствуя, как мужская рука протискивается всё глубже внутрь её естества. Пальцы внутри неё двигались всё скорее,

причиняя ей странным образом одновременно и боль, и наслаждение. Постанывая, уже не разбирая толком, откуда эта сладкая боль: грубые пальцы ли, безжалостно орудующие внутри ее, или мужской рот, требовательно душащий каждый её вздох, или мужская ладонь снизу мучавшая её грудь.

В мозгу неотступно било, кадр за кадром, воспоминание о том длинном мощном изогнутом любовном орудии сына, которое она недавно держала в руках, великолепном, могучем, раскаленном, пышущем нетерпением и еле сдерживаемой мощью.

Беспощадные пальцы рывком погрузились ещё глубже в неё, и она застонала так жалобно, что ее, наконец, пожалели: она почувствовала, как её лоно освобождается от терзаний грубым оккупантом и даже её грудь освобождена из плена мужской ладони. Её попка описывает странный замысловатый танец, стараясь то так, то сяк прижаться к мощному и упругому мужскому фаллосу, который она так иступлено ждала.

Сильные руки обхватывают её за талию, заставляя сильнее прогибаться в спине, приподнимают её ногу, раздвигают её бёдра. Лариса совсем не против, хоть она и ясно понимает, ЧТО сейчас произойдёт.

Украдкой бросив взгляд назад через плечо, она поймала торжествующий, самодовольный, скорее даже горделивый взгляд Гектора. Её сын... Такой же, как и все остальные мужчины. Женщина — это всегда в первую очередь победа, трофей. И видимо, даже если эта женщина твоя мать, то всё равно это мало что меняет. Он много месяцев жаждал быть её хозяином и теперь торжество ясно светилось в его глазах. Быть может это чувство доставляет ему сейчас не меньшее наслаждения, чем физические ощущения от обладания её телом.

Впрочем, эти мысли совсем не обижают её.

Но взгляд Гектора устремлён поверх неё... Перед кем же он так горделиво красуется? Лариса как-то совсем позабыла, что в этой комнате они с сыном не одни.

И вдруг она осознала, ощутила кожей на себе пристальный взгляд. Она бросила испуганный взгляд на сестру. Нет, нет... Та по-прежнему мерно посапывала, на её безмятежном лице ни тени.

Малыши не спят и смотрят на нее. Матвей был ближе, возвышаясь над спящей на боку матерью, но Егору пришлось почти навалиться на брата, чтобы лучше все увидеть. Затаив дыхание, они во все глаза рассматривали обнажённую Ларису, и глаза их блестели возбуждением и любопытством. Мысль, что весь этот извращённый пир сладострастия происходит на глазах у близнецов, да ещё явно демонстрируемый Гектором, чуть было не отправила Ларису в обморок, но она тут же успокоилась — ничего страшного, если они все и увидят. Точнее говоря, ведь никто же не спрашивал её мнения на сей счёт. Да, и Малыши не дети уже. Хоть её и повергало в ступор осознание того, что вообще-то, когда-то и Матвея, и Егора она нянчила ещё в колыбели. Но опять же, ведь и того, чей член сейчас упирался в разбухшие губы её сочащейся от возбуждения киски, она тоже когда-то вскормила грудью.

Ох, нельзя быть грешницей только наполовину. Ей придётся испить этот кубок до самого дня. И их с сыном грех кровосмешения не будет сокровенной тайной лишь двоих.

Уловив взгляд старшего брата, и Егор и Матвей уважительно заухмылялись, враз сделавшись для Ларисы какими-то напыщенными и высокомерными. Её племянники восхищались не ей, но Гектором. Его непоколебимой решимостью владеть и обладать женщиной. Похоже, ни одного, ни второго не коробил тот факт, что в объятиях их обожаемого старшего брата его собственная мать. Скорее наоборот, словно именно это наделяло Гека в их глазах истинным

ореолом мужественности. Или в их глазах это признак мужской зрелости, когда сын, возмужав и повзрослев, делает свою мать своей женщиной? Ей только оставалось закрыть глаза.

Абсент и кокаин... Нет, она уже давно ни в чём не винит ни алкоголь, ни магический белый порошок. Всё это следствие. Причина, — она и Гектор. Абсент и кокаин лишь помогли снести стену тысячелетнего табу, которая, надо сказать, и так уже давно шла трещинами.

Лариса лежала на правом боку, согнув ноги в коленях, прогибаясь в талии и чуть приподняв попку. Её новый хозяин, обхватив её бёдра, вошел в нее сразу, одним ударом погрузившись во влажную глубину матери до самого дна. И весь мир в один миг перестал для неё существовать...

Горячая, взмокшая, билась Лариса под напором фаллоса. И он, чтобы насытить ее, все увеличивал, казалось, и свой размер, и силу ударов. В тумане блаженства Лариса успела радостно удивиться, как удобно устроился внутри нее этот таран.

Гектор тем временем входил во вкус — его сначала нерешительные, а потом и более уверенные толчки набирали ритм. Лариса двигалась навстречу любовным ударам сына и решительно подсказывала ему частоту и силу движений — каждый его рывок буквально обжигал её влагалище.

И чувствуя, что матери всё нравится, Гектор двигался все усерднее, его пальцы впивались в Ларкины бёдра, и она не выдержала и застонала... Оргазм буквально закрутил её, она прогибалась всем телом навстречу новым ударам сына.

Гектор даже не понял, что отправил мать в нирвану, он работал изо всех сил, входя в неё во всю длину, наполняя комнату звонкими шлепками своих бёдер об аккуратные ягодицы матери, все быстрее и быстрее, как будто вбивал в мать кол, заставляя её груди бешено колыхаться...

Ларису накрыло с головой. Такого у неё еще не было ни с одним мужчиной. Значит, мелькнула мысль, в ней ничего не атрофировалось за долгие месяцы бездействия, ведь почти три месяца до этой ночи ни один мужчина не обжигал ее своим жалом. Её муж... Он запросто мог себе позволить не вспоминать о жене неделями. Быть может, в этом была истинная причина её сегодняшнего падения? В муже-сухаре? Мысль была спасительной... Которая завтра возможно спасёт её от чрезмерных угрызений совести. Она это знала. Ведь это была далеко не первая её измена мужу...

Так думала она, а её сын был еще очень далек от того, чтобы прекратить буравить её тело. Лариса под яростным напором сына быстро «воскресла», готовая вновь принимать и дарить наслаждение.

Ей, может быть, и интересно было знать, сколько же времени её новый обладатель уже соединен с нею, но никакого ориентира нельзя было отыскать: время остановилось. Лариса так остро ощущала мужской член внутри своего лона, что каждая секунда казалась невыносимой. Остроты добавляло и сознание недозволённости происходящего, ведь Лариса прекрасно отдавала себе отчет о своих действиях...

Она снова, из-под опущенных ресниц, взглянула на близнецов. Их лица утратили всю свою высокомерную напыщенность. Они вновь стали человеческими существами. Не ухмыляющимися, не высокомерными, а внимательными и даже почтительными, и явно очень-очень возбужденными. Мгновенно пронеслась в ее сознании мысль о племянниках: она попыталась вообразить, что происходит сейчас в их голове, пыталась представить себе их

смятение при виде того, чему они стали свидетелями, но она была слишком поглощена, захвачена блаженством, чтобы связно думать о чем-либо.

Лариса сдерживала себя и отдаляла наступление оргазма. Это получалось у нее легко: за годы замужества она научилась (пришлось...) доводить себе до исступления своими пальцами и продлевать наслаждение ожидания оргазма. Гораздо выше, чем сладкие судороги, ценила она нарастающее сладострастие, высшее напряжение бытия, которым умело управляли ее легкие пальцы, порхавшие с легкостью смычка по упругому, как струна, бутру у входа в трепещущую расщелину, отвечая отказом на безмолвные вопли плоти, пока, наконец, она не разрешала сама себе финал наслаждения, чтобы биться в сладких конвульсиях страсти.

На самом деле, Гектор охаживал её не так уж долго — просто в бешеном темпе, — всё же её выводы о его любовном опыте были явно преждевременны и явно завышены, и теперь она это понимала — растерял свой любовный юношеский запал, неразумно вложив все силы в безоглядную бешеную скачку. Но всё равно, даже порядком подустав, когда его движения стали более размеренными и размашистыми, Лариса вдруг снова неожиданно даже для самой себя, под восхищённое приглушённое урчание своих племяшей (как будто это она им дарила свои оргазмы), вдруг застонала и задергалась — сынуля, таки, сумел «пробить» её повторно...

Когда она вновь пришла в себя, дыхание её мальчика участилось, обнимавшие ее руки напряглись, по разбуханию и пульсации пронзавшего ее любовного копья Лариса поняла, что вулкан близок к извержению.

Сама мысль о том, что сейчас семя её сына хлынет в храм, когда-то подаривший ему жизнь, была настолько дикой и возбуждающей, что она вновь вспыхнула и всякой ее сдержанности пришел конец. Она даже не помыслила о том, чтобы отстраниться. Эта мысль показалась бы ей кощунственной. Семя сына будет истиной наградой её телу за подаренное мальчику наслаждение.

Когда в неё кончал муж, она редко испытывала что-то кроме брезгливости и желания, чтобы всё поскорее закончилось. И уж, конечно, никогда и речи не шло, чтобы беременеть от него. Хвала небесам, её муж терпеть не мог детей и вовсе не собирался ими обзаводиться. Своим любовникам Лариса никогда не разрешала изливаться в себя. Это право нужно было заслужить, и оно могло быть даровано лишь лучшим из лучшим из них. Но разве не самый лучший в мире мужчина тот, кому ты сама подарила жизнь, кого ты выпестовала, вырастила, кого ты создала сама с чистого листа?

У Гектора было право на свою мать. С самого начала его жизни. По праву его рождения. Горячая струя ударила ее глубоко внутри, словно хлыстом, и погнала волны наслаждения. Все время, пока он изливался, Гектор держался в самой её глубине, заткнув собой по самое горлышко её сосуд жизни. И даже среди самых сильных судорог наслаждения у Ларисы хватило воображения увидеть, как жадно, подобно раскрытому рту, впивает сейчас её незащищённый сосуд жизни эти белые густые струи нектара жизни.

Но вот все кончилось, и Лариса застыла неподвижно, наслаждаясь теперь каждой подробностью бытия: мягкостью ложа и наступающей прохладой ночи, ощущением мужского семени, коим было наполнено её лоно, уютом полумрака и тихой, крадущейся походкой наступающего сна. Она по-прежнему лежала нагишом, и не думая, прятать свою наготу, убаюканная и удовлетворённая, свернувшись, как ребенок, калачиком.

Ее победитель, счастливый и измождённый любовной схваткой, безмятежно спал рядом.

Из объятий сна (она и не заметила, как уснула) её вырвал шум возни и громкий шёпот. Ночник почему-то уже не горел и какое-то время она недоумённо таращилась в темноту, ничего не соображая. Гектор спал, обняв её рукой.

Потихонечку во мраке комнаты неясные силуэты фигур проступали всё явственнее. Малыши трахали Ольгу. Не совсем было понятно, происходит ли это по обоюдному согласию, во всяком случае со стороны всё выглядело весьма подозрительно.

Егор сидел на диване, привалившись спиной к стене и прижимал мать к себе спиной. Одна его ладонь сжимала рот Ольги, вторая мяла её большие груди. Кожа Ольги белела в темноте. В отличие от Ларисы она терпеть не могла загорать. Она была обнажена, её руки были зачем-то связаны, и по-видимому, её же собственной ночной рубашкой, скрученной жгутом. Матвей нависал над матерью. Его зад ритмично опускался и поднимался. Ноги Ольги были закинута на его плечи.

Диван мерно поскрипывал. Иногда в аккомпанемент к этому скрипу раздавался смачный шлепок, когда бёдра сына и матери встречались чересчур уж стремительно.

Лариса зажмурилась, чувствуя, как её наполняет чувство стыда. Она чувствовала, что всё это её вина. Малыши, взвинченные зрелищем подаренным им Ларисой и Гектором, видимо, не в силах унять возбуждение и подбодренные примером старшего брата, — как можно оказывается обращаться с родной матерью!!, — не придумали ничего лучшего, как сделать и свою мать рабыней терзавшей их страсти.

Лариса не удержалась и снова открыла глаза, любопытство оказалось сильнее укоров совести. Затаив дыхание, она неотрывно наблюдает за любовной битвой, разгорающейся перед её глазами.

Матвей старательно работал изо всех сил, бешено тараня мать, все быстрее и быстрее, вбивая её тело в постель, заставляя Ольгины груди бешено колыхаться, его пальцы с силой впивались в ляжки матери.

В конце концов, резко опустив таз, Матвей с глубоким стоном кончил под тихое хныканье матери.

Даже не дав перевести ему дух, Егор уже нетерпеливо отталкивал брата от матери, торопясь занять его место. Матвей шмякнулся на постель, обливаясь потом и тяжело дыша.

Больше Ольгу мальчики не держали, да уже это было излишне, она и не думала сопротивляться. Правда рук ей так и не развязали.

Через несколько мгновений Ольга оказалась под вторым сыном, — того, видимо, ни капельки не волновало, что киска его матери залито семенем брата, — он резко развел её колени в стороны и мощным рывком врезался в её мягкое тело, вминаясь в мать всей своей тяжестью.

Больше ей никто не зажимал рот и Ольга, пронзённая любовным копьём сына, тонко по девчачьи охнула. А сын, не теряя времени, подмял её под себя и уже сильными нетерпеливыми толчками начал иметь свою мамочку, заставляя её тело послушно отвечать. Да, да... В этом уже можно было не сомневаться, мать, видимо уже смирившись со своей новой ролью в жизни своих сыновей, принимала своего мальчика и совершенно явно подмахивала ему. Мало того, особо и не сдерживаясь она, нет-нет, но издавала стоны чуть ли не в голос — Егор вбивал ей ненасытно, постепенно наращивая и без того стремительный ритм, сильнее прижимая мать к себе, ловил губами её соски, работал бёдрами глубже и быстрее, пока, наконец, не издал горловой вздох, резко дернул тазом и постепенно остановился...

Немного погодя, с облегчением выдохнув, и второй сын сполз с матери и растянулся на диване рядом.

Не было сказано ни слова. Казалось все трое, утомлённые бешеной скачкой, уже уснули, отложив семейные разборательства по поводу случившегося до утра. Незаметно для себя уснула и Лариса.

Когда она снова проснулась, лучи утреннего солнца уже играли в окне.

Неугомонному семейству Ольги опять не спалось.

Ольга стояла на диване на четвереньках, красиво изгибаясь в пояснице и высоко выпячивая полную попу. Малыши накачивали мать с двух сторон. Егор, запустив ладонь в пушистую причёску Ольги, качал её головой себе навстречу, насаживая её рот на свой член. Матвей был позади матери. Обхватив её пышные ягодицы ладонями, он входил в мать размашистыми быстрыми толчками.

Темп ебли, — а по-другому то, что Малыши проделывали с мамой, и не назовёшь никак, — был снова, как и в первый раз, бешеным. Ольгины груди прыгали, как мячики во все стороны. Нелегко ей сейчас приходилось, но судя по всему, молить о пощаде она не собиралась. Тела любовников истекали потом. Диван отчаянно скрипел и стонал, влажные смачные звуки любовного соития наполняли собой комнату. Эта тройца уже никого и ничего не стеснялась.

Лариса лишь вздохнула. Не нужно было быть провидцем, чтобы осознать, что этой ночью всё не закончится.

Она протянула руку к столику у изголовья и взяла в руки телефон. Сто тридцать два пропущенных. Куча злобных ядовитых смс. Все от мужа. Троцкий мог торжествовать. Его месть свершилась.

Несомненно, это было странно. То, что сейчас Лариса благостно улыбнулась. Но ведь отныне она была свободна.